

Даниэль Дефо

Робинзон Крузо

Пересказ для детей
Корнея Чуковского

ФТМ

Даниэль Дефо Робинзон Крузо

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148548*

Детская литература;

ISBN 9785446721788

Аннотация

Популярный роман английского писателя Даниэля Дефо об удивительных приключениях Робинзона Крузо, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	18
Глава четвёртая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Даниэль Дефо Робинзон Крузо

Пересказал для детей Корней Чуковский.

Художник: Ж. Гранвиль (1803–1848).

© Пересказ. К. И. Чуковский, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Глава первая
***Семья Робинзона. – Его
побег из родительского дома***

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

– Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! – Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: – Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою.

В глазах у него блеснули слёзы. Он любил меня и хотел мне добра.

Мне стало жаль старика, я твёрдо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но увы! – прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять потянуло к морским берегам. Мне стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я всё же решил убежать. Выбрав время, когда мать была весела и спокойна, я подошёл к ней и почтительно сказал:

— Мне уже восемнадцать лет, а в эти годы поздно учиться судейскому делу. Если бы даже я и поступил куда-нибудь на службу, я всё равно через несколько дней убежал бы в далёкие страны. Мне так хочется видеть чужие края, побывать и в Африке, и в Азии! Если я и пристроюсь к какому-нибудь делу, у меня всё равно не хватит терпения довести его до конца. Прошу вас, уговорите отца отпустить меня в море хотя бы на короткое время, для пробы; если жизнь моряка не понравится мне, я вернусь домой и больше никуда не уеду. Пусть отец отпустит меня добровольно, так как иначе я буду вынужден уйти из дому без его разрешения.

Мать очень рассердилась на меня и сказала:

— Удивляюсь, как можешь ты думать о морских путешествиях после твоего разговора с отцом! Ведь отец требовал, чтобы ты раз навсегда позабыл о чужих краях. А он лучше тебя понимает, каким делом тебе заниматься. Конечно, если ты хочешь себя погубить, уезжай хоть сию минуту, но можешь быть уверен, что мы с отцом никогда не дадим согласия на твоё путешествие. И напрасно ты надеялся, что я стану тебе помогать. Нет, я ни слова не скажу отцу о твоих бессмысленных мечтах. Я не хочу, чтобы впоследствии, когда жизнь на море доведёт тебя до нужды и страданий, ты мог упрекнуть свою мать в том, что она потакала тебе.

Потом, через много лет, я узнал, что матушка всё же передала отцу весь наш разговор, от слова до слова. Отец был опечален и сказал ей со вздохом:

– Не понимаю, чего ему нужно? На родине он мог бы без труда добиться успеха и счастья. Мы люди небогатые, но кое-какие средства у нас есть. Он может жить вместе с нами, ни в чём не нуждаясь. Если же он пустится странствовать, он испытает тяжкие невзгоды и пожалеет, что не послушался отца. Нет, я не могу отпустить его в море. Вдали от родины он будет одинок, и, если с ним случится беда, у него не найдётся друга, который мог бы утешить его. И тогда он раскается в своём безрассудстве, но будет поздно!

И всё же через несколько месяцев я бежал из родного дома. Произошло это так. Однажды я поехал на несколько дней в город Гулль. Там я встретил одного приятеля, который собирался отправиться в Лондон на корабле своего отца. Он стал уговаривать меня ехать вместе с ним, соблазняя тем, что проезд на корабле будет бесплатный.

И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, – в недобрый час! – 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрёг их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, что я сделал.

Глава вторая

Первые приключения на море

Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка.

Я никогда ещё не бывал в море, и мне стало худо. Голова у меня закружилась, ноги задрожали, меня затошнило, я чуть не упал. Всякий раз, когда на корабль налетала большая волна, мне казалось, что мы сию минуту утонем. Всякий раз, когда корабль падал с высокого гребня волны, я был уверен, что ему уже никогда не подняться.

Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив, если нога моя снова ступит на твёрдую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.

Этих благоразумных мыслей хватило у меня лишь на то время, пока бушевала буря.

Но ветер стих, волнение улеглось, и мне стало гораздо легче. Понемногу я начал привыкать к морю. Правда, я ещё не совсем отделался от морской болезни, но к концу дня погода прояснилась, ветер совсем утих, наступил восхитительный вечер.

Всю ночь я проспал крепким сном. На другой день небо

было такое же ясное. Тихое море при полном безветрии, все озарённое солнцем, представляло такую прекрасную картину, какой я ещё никогда не видал. От моей морской болезни не осталось и следа. Я сразу успокоился, и мне стало весело. С удивлением я оглядывал море, которое ещё вчера казалось буйным, жестоким и грозным, а сегодня было такое кроткое, ласковое.

Тут, как нарочно, подходит ко мне мой приятель, соблазнивший меня ехать вместе с ним, хлопает по плечу и говорит:

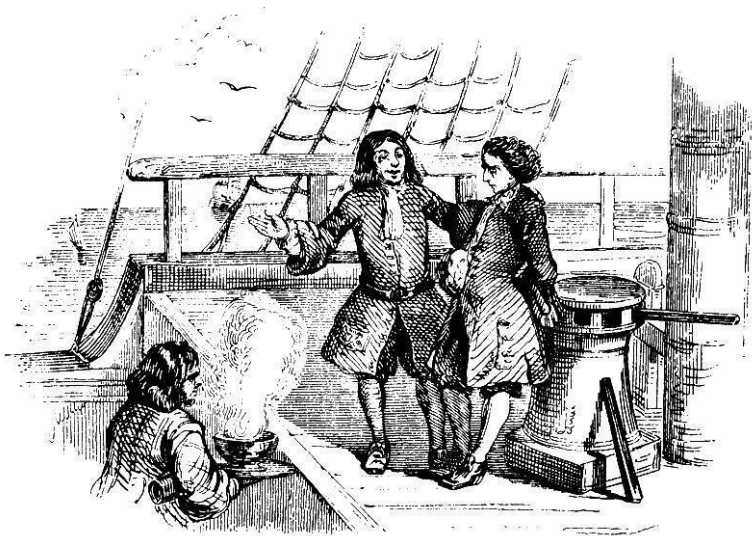
– Ну, как ты себя чувствуешь, Боб? Держу пари, что тебе было страшно. Признавайся: ведь ты очень испугался вчера, когда подул ветерок?

– Ветерок? Хорош ветерок! Это был бешеный шквал. Я и представить себе не мог такой ужасной бури!

– Бури? Ах ты, глупец! По-твоему, это буря? Ну, да ты в море ещё новичок: не мудрено, что испугался... Пойдём-ка лучше да прикажем подать себе пуншу, выпьем по стакану и позабудем о буре. Взгляни, какой ясный день! Чудесная погода, не правда ли?

Чтобы сократить эту горестную часть моей повести, скажу только, что дело пошло, как обыкновенно у моряков: я напился пьян и утопил в вине все свои обещания и клятвы, все свои похвальные мысли о немедленном возвращении домой. Как только наступил штиль и я перестал бояться, что волны проглотят меня, я тотчас же позабыл все свои благие наме-

рения.

На шестой день мы увидели вдали город Ярмут. Ветер после бури был встречный, так что мы очень медленно подвигались вперёд. В Ярмуте нам пришлось бросить якорь. Мы простояли в ожидании попутного ветра семь или восемь дней.

В течение этого времени сюда же пришло много судов из Ньюкасла. Мы, впрочем, не простояли бы так долго и вошли бы в реку вместе с приливом, но ветер становился все свежее, а дней через пять задул изо всех сил.

Так как на нашем корабле якоря и якорные канаты были крепкие, наши матросы не выказывали ни малейшей тревоги. Они были уверены, что судно находится в полной безопасности, и, по обычаю матросов, отдавали все своё свободное время весёлым развлечениям и забавам.

Однако на девятый день к утру ветер ещё посвежел, и вскоре разыгрался страшный шторм. Даже испытанные моряки были сильно испуганы. Я несколько раз слышал, как наш капитан, проходя мимо меня то в каюту, то из каюты, бормотал вполголоса: «Мы пропали! Мы пропали! Конец!»

Всё же он не терял головы, зорко наблюдал за работой матросов и принимал все меры, чтобы спасти свой корабль.

До сих пор я не испытывал страха: я был уверен, что эта буря так же благополучно пройдёт, как и первая. Но когда сам капитан заявил, что всем нам пришёл конец, я страшно испугался и выбежал из каюты на палубу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть столь ужасное зрелище. По морю, словно высокие горы, ходили громадные волны, и каждые три-четыре минуты на нас обрушивалась такая гора.

Сперва я оцепенел от испуга и не мог смотреть по сторонам. Когда же наконец я осмелился глянуть назад, я понял, какое бедствие разразилось над нами. На двух тяжело гружённых судах, которые стояли тут же неподалёку на якоре, матросы рубили мачты, чтобы корабли хоть немного освободились от тяжести.

Кто-то крикнул отчаянным голосом, что корабль, стояв-

ший впереди, в полумиле от нас, сию минуту исчез под водой.

Ещё два судна сорвались с якорей, буря унесла их в открытое море. Что ожидало их там? Все их мачты были сбиты ураганом.

Мелкие суда держались лучше, но некоторым из них тоже пришлось пострадать: два-три судёнышка пронесло мимо наших бортов прямо в открытое море.

Вечером штурман и боцман пришли к капитану и заявили ему, что для спасения судна необходимо срубить фок-мачту¹.

– Медлить нельзя ни минуты! – сказали они. – Прикажете, и мы срубим её.

– Подождём ещё немного, – возразил капитан. – Может быть, буря уляжется.

Ему очень не хотелось рубить мачту, но боцман стал доказывать, что, если мачту оставить, корабль пойдёт ко дну, – и капитан поневоле согласился.

А когда срубили фок-мачту, грот-мачта² стала так сильно качаться и раскачивать судно, что пришлось срубить и её.

Наступила ночь, и вдруг один из матросов, спускавшийся в трюм, закричал, что судно дало течь. В трюм послали другого матроса, и он доложил, что вода поднялась уже на

---

¹ Фок-мачта – передняя мачта.

² Грот-мачта – средняя мачта.

четыре фута³.

Тогда капитан скомандовал:

– Выкачивай воду! Все к помпам⁴!

Когда я услышал эту команду, у меня от ужаса замерло сердце: мне показалось, что я умираю, ноги мои подкосились, и я упал навзничь на койку. Но матросы растолкали меня и потребовали, чтобы я не отлынивал от работы.

– Довольно ты бездельничал, пора и потрудиться! – ска-
зали они.

Нечего делать, я подошёл к помпе и принялся усердно вы-
качивать воду.

В это время мелкие грузовые суда, которые не могли усто-
ять против ветра, подняли якоря и вышли в открытое море.

Увидев их, наш капитан приказал выпалить из пушки, чтобы дать им знать, что мы находимся в смертельной опас-
ности. Услышав пушечный залп и не понимая, в чём де-
ло, я вообразил, что наше судно разбилось. Мне стало так
страшно, что я лишился чувств и упал. Но в ту пору каж-
дый заботился о спасении своей собственной жизни, и на ме-
ня не обратили внимания. Никто не поинтересовался узнать,
что случилось со мной. Один из матросов стал к помпе на
моё место, отодвинув меня ногою. Все были уверены, что я
уже мёртв. Так я пролежал очень долго. Очнувшись, я снова
взялся за работу. Мы трудились не покладая рук, но вода в

---

³ Фут – английская мера длины, около трети метра.

⁴ Помпа – насос для выкачивания воды.

трюме поднималась всё выше.

Было очевидно, что судно должно затонуть. Правда, шторм начинал понемногу стихать, но для нас не предвиделось ни малейшей возможности продержаться на воде до той поры, пока мы войдём в гавань. Поэтому капитан не переставал палить из пушек, надеясь, что кто-нибудь спасёт нас от гибели.

Наконец ближайшее к нам небольшое судно рискнуло спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Шлюпку каждую минуту могло опрокинуть, но она всё же приблизилась к нам. Увы, мы не могли попасть в неё, так как не было никакой возможности причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью для спасения нашей. Мы бросили им канат. Им долго не удавалось поймать его, так как буря относила его в сторону. Но, к счастью, один из смельчаков изловчился и после многих неудачных попыток схватил канат за самый конец. Тогда мы подтянули шлюпку под нашу корму и все до одного спустились в неё. Мы хотели было добраться до их корабля, но не могли сопротивляться волнам, а волны несли нас к берегу. Оказалось, что только в этом направлении и можно грести.

Не прошло и четверти часа, как наш корабль стал погружаться в воду.

Волны, швырявшие нашу шлюпку, были так высоки, что из-за них мы не видели берега. Лишь в самое короткое мгновение, когда нашу шлюпку подбрасывало на гребень волны,

мы могли видеть, что на берегу собралась большая толпа: люди бегали взад и вперёд, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдём ближе. Но мы подвигались к берегу очень медленно.

Только к вечеру удалось нам выбраться на сушу, да и то с величайшими трудностями.

В Ярмут нам пришлось идти пешком. Там нас ожидала радужная встреча: жители города, уже знавшие о нашем несчастье, отвели нам хорошие жилища, угостили отличным обедом и снабдили нас деньгами, чтобы мы могли добраться куда захотим — до Лондона или до Гулля.

Неподалёку от Гулля был Йорк, где жили мои родители, и, конечно, мне следовало вернуться к ним. Они простили бы мне самовольный побег, и все мы были бы так счастливы!

Но безумная мечта о морских приключениях не покидала меня и теперь. Хотя трезвый голос рассудка говорил мне, что в море меня ждут новые опасности и беды, я снова стал думать о том, как бы мне попасть на корабль и объездить по морям и океанам весь свет.

Мой приятель (тот самый, отцу которого принадлежало погибшее судно) был теперь угрюм и печален. Случившееся бедствие угнетало его. Он познакомил меня со своим отцом, который тоже не переставал горевать об утонувшем корабле. Узнав от сына о моей страсти к морским путешествиям, старик сурово взглянул на меня и сказал:

— Молодой человек, вам никогда больше не следует пус-

каться в море. Я слышал, что вы трусливы, избалованы и падаете духом при малейшей опасности. Такие люди не годятся в моряки. Вернитесь скорее домой и примиритесь с родными. Вы сами на себе испытали, как опасно путешествовать по морю.

Я чувствовал, что он прав, и не мог ничего возразить. Но всё же я не вернулся домой, так как мне было стыдно показаться на глаза моим близким. Мне чудилось, что все наши соседи будут издеваться надо мной; я был уверен, что мои неудачи сделают меня посмешищем всех друзей и знакомых.

Впоследствии я часто замечал, что люди, особенно в молодости, считают зазорными не те бессовестные поступки, за которые мы зовём их глупцами, а те добрые и благородные дела, что совершаются ими в минуты раскаяния, хотя только за эти дела и можно называть их разумными. Таким был и я в ту пору. Воспоминания о бедствиях, испытанных мною во время кораблекрушения, мало-помалу изгладились, и я, прожив в Ярмуте две-три недели, поехал не в Гуль, а в Лондон.

Глава третья

Робинзон попадает в плен. – Бегство

Большим моим несчастьем было то, что во время всех моих приключений я не поступил на корабль матросом. Правда, мне пришлось бы работать больше, чем я привык, зато в конце концов я научился бы мореходному делу и мог бы со временем сделаться штурманом, а пожалуй, и капитаном. Но в ту пору я был так неразумен, что из всех путей всегда выбирал самый худший. Так как в то время у меня была щегольская одежда и в кармане водились деньги, я всегда являлся на корабль праздным шалопаем: ничего там не делал и ничему не учился.

Юные сорванцы и бездельники обычно попадают в дурную компанию и в самое короткое время окончательно сбиваются с пути. Такая же участь ждала и меня, но, к счастью, по приезде в Лондон мне удалось познакомиться с почтенным пожилым капитаном, который принял во мне большое участие. Незадолго перед тем он ходил на своём корабле к берегам Африки, в Гвинею. Это путешествие дало ему немалую прибыль, и теперь он собирался снова отправиться в те же края.

Я понравился ему, так как был в ту пору недурным собеседником. Он часто проводил со мною свободное время

и, узнав, что я желаю увидеть заморские страны, предложил мне пуститься в плавание на его корабле.

– Вам это ничего не будет стоить, – сказал он, – я не возьму с вас денег ни за проезд, ни за еду. Вы будете на корабле моим гостем. Если же вы захватите с собой какие-нибудь вещи и вам удастся очень выгодно сбыть их в Гвинее, вы получите целиком всю прибыль. Попытайте счастья – может быть, вам и повезёт.

Так как этот капитан пользовался общим доверием, я охотно принял его приглашение.

Отправляясь в Гвинею, я захватил с собой кое-какого товара: закупил на сорок фунтов стерлингов⁵ различных побрякушек и стеклянных изделий, находивших хороший сбыт у дикарей.

Эти сорок фунтов я добыл при содействии близких родственников, с которыми состоял в переписке: я сообщил им, что собираюсь заняться торговлей, и они уговорили мою мать, а быть может, отца помочь мне хоть незначительной суммой в первом моем предприятии.

Эта поездка в Африку была, можно сказать, моим единственным удачным путешествием. Конечно, своей удачей я был всецело обязан бескорыстию и доброте капитана.

Во время пути он занимался со мной математикой и учил меня корабельному делу. Ему доставляло удовольствие делиться со мной своим опытом, а мне – слушать его и учиться

---

⁵ Фунт стерлингов – английские деньги, около десяти рублей золотом.

у него.

Путешествие сделало меня и моряком и купцом: я выменял на свои побрякушки пять фунтов и девять унций⁶ золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил изрядную сумму.

Итак, я мог считать себя богатым промышленником, ведущим успешную торговлю с Гвинеей.

Но, на моё несчастье, мой друг капитан вскоре по возвращении в Англию умер, и мне пришлось совершить второе путешествие на свой страх, без дружеского совета и помощи.

Я отплыл из Англии на том же корабле. Это было самое несчастное путешествие, какое когда-либо предпринимал человек.

Однажды на рассвете, когда мы после долгого плавания шли между Канарскими островами и Африкой, на нас напали пираты – морские разбойники. Это были турки из Салеха. Они издали заметили нас и на всех парусах пустились за нами вдогонку.

Сначала мы надеялись, что нам удастся спастись от них бегством, и тоже подняли все паруса. Но вскоре стало ясно, что через пять-шесть часов они непременно догонят нас. Мы поняли, что нужно готовиться к бою. У нас было двенадцать пушек, а у врага – восемнадцать.

Около трёх часов пополудни разбойничий корабль догнал нас, но пираты сделали большую ошибку: вместо того чтобы

---

⁶ То есть около двух с половиной килограммов.

подойти к нам с кормы, они подошли с левого борта, где у нас было восемь пушек. Воспользовавшись их ошибкой, мы навели на них все эти пушки и дали залп.

Турок было не меньше двухсот человек, поэтому они отвели на нашу пальбу не только пушечным, но и оружейным залпом из двух сотен ружей.

К счастью, у нас никого не задело, все остались целы и невредимы. После этой схватки пиратское судно отошло на полмили⁷ и стало готовиться к новому нападению. Мы же, со своей стороны, приготовились к новой защите.

На этот раз враги подошли к нам с другого борта и взяли нас на abordаж, то есть зацепились за наш борт баграми; человек шестьдесят ворвались на палубу и первым делом бросились рубить мачты и снасти.

Мы встретили их ружейной стрельбой и дважды очищали от них палубу, но всё же принуждены были сдаться, так как наш корабль уже не годился для дальнейшего плавания. Трое из наших людей были убиты, восемь человек ранены. Нас отвезли в качестве пленников в морской порт Салех, принадлежавший маврам⁸.

Других англичан отправили в глубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен.

---

⁷ Миля – мера длины, около 1609 метров.

⁸ Мавры – здесь: североафриканские арабы-мусульмане.

Я горько заплакал: мне вспомнилось предсказание отца, что рано или поздно со мной случится беда и никто не придёт мне на помощь. Я думал, что именно теперь меня и постигла такая беда. Увы, я не подозревал, что меня ждали впереди ещё более тяжёлые беды.

Так как мой новый господин, капитан разбойничьего судна, оставил меня при себе, я надеялся, что, когда он снова отправится грабить морские суда, он возьмёт с собою и меня. Я был твёрдо уверен, что в конце концов он попадётся в плен какому-нибудь испанскому или португальскому военному кораблю и тогда мне возвратят свободу.

Но скоро я понял, что эти надежды напрасны, потому что в первый же раз, как мой господин вышел в море, он оставил меня дома исполнять чёрную работу, какую обычно исполняют рабы.

С этого дня я только и думал о побеге. Но бежать было невозможно: я был одинок и бессилен. Среди пленников не было ни одного англичанина, которому я мог бы довериться.

Два года я протомился в плену, не имея ни малейшей надежды спастись. Но на третий год мне всё же удалось бежать.

Произошло это так. Мой господин постоянно, раз или два в неделю, брал корабельную шлюпку и выходил на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал с собой меня и одного мальчишку, которого звали Ксури. Мы усердно гребли и по мере сил развлекали своего господина. А так как я, кроме того, оказался недурным рыболовом, он иногда посы-

лал нас обоих – меня и этого Ксури – за рыбой под присмотром одного старого мавра, своего дальнего родственника.

Однажды мой хозяин пригласил двух очень важных мавров покататься с ним на его парусной шлюпке. Для этой поездки он заготовил большие запасы еды, которые с вечера отослал к себе в шлюпку. Шлюпка была просторная. Хозяин ещё года два назад приказал своему корабельному плотнику устроить в ней небольшую каюту, а в каюте – кладовую для провизии. В эту кладовую я и уложил все запасы.

– Может быть, гости захотят поохотиться, – сказал мне хозяин. – Возьми на корабле три ружья и снеси их в шлюпку.

Я сделал всё, что мне было приказано: вымыл палубу, поднял на мачте флаг и на другой день с утра сидел в шлюпке, поджидая гостей. Вдруг хозяин пришёл один и сказал, что его гости не поедут сегодня, так как их задержали дела. Затем он велел нам троим – мне, мальчику Ксури и мавру – идти в нашей шлюпке на взморье за рыбой.

– Мои друзья придут ко мне ужинать, – сказал он, – и потому, как только вы наловите достаточно рыбы, принесите её сюда.

Вот тут-то снова пробудилась во мне давнишняя мечта о свободе. Теперь у меня было судно, и, как только хозяин ушёл, я стал готовиться – но не к рыбной ловле, а к далёкому плаванию. Правда, я не знал, куда я направлю свой путь, но всякая дорога хороша – лишь бы уйти из неволи.

– Следовало бы нам захватить какую-нибудь еду для се-

бя, – сказал я мавру. – Не можем же мы есть без спросу провизию, которую хозяин приготовил для гостей.

Старик согласился со мною и вскоре принёс большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды.

Я знал, где стоит у хозяина ящик с вином, и, покуда мавр ходил за провизией, я переправил все бутылки на шлюпку и поставил их в кладовую, как будто они были ещё раньше припасены для хозяина.

Кроме того, я принёс огромный кусок воску (фунтов пятьдесят весом) да прихватил моток пряжи, топор, пилу и молоток. Все это нам очень пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи.

Я придумал ещё одну хитрость, и мне опять удалось обмануть простодушного мавра. Его имя было Измаил, поэтому все называли его Моли. Вот я и сказал ему:

– Моли, на судне есть хозяйские охотничьи ружья. Хорошо бы достать немного пороху и несколько зарядов – может быть, нам посчастливится подстрелить себе на обед куликов. Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

– Ладно, – сказал он, – принесу.

И он принёс большую кожаную сумку с порохом – фунта полтора весом, а пожалуй, и больше, да другую, с дробью, – фунтов пять или шесть. Он захватил также и пули. Всё это было сложено в шлюпке. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось ещё немного пороху, который я насыпал в большую бутыл, вылив из неё предварительно остатки вина.

Запасшись, таким образом, всем необходимым для дальнего плавания, мы вышли из гавани, будто бы на рыбную ловлю. Я опустил мои удочки в воду, но ничего не поймал (я нарочно не вытаскивал удочек, когда рыба попадалась на крючок).

– Здесь мы ничего не поймаем! – сказал я мавру. – Хозяин не похвалит нас, если мы вернёмся к нему с пустыми руками. Надо отойти подальше в море. Быть может, вдали от берега рыба будет лучше клевать.

Не подозревая обмана, старый мавр согласился со мною и, так как он стоял на носу, поднял парус.

Я же сидел за рулём, на корме, и, когда судно отошло миль на три в открытое море, я лёг в дрейф⁹ – как бы для того, чтобы снова приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я шагнул на нос, подошёл к мавру сзади, внезапно приподнял его и бросил в море. Он сейчас же вынырнул, потому что плавал, как пробка, и стал кричать мне, чтобы я взял его в шлюпку, обещая, что поедет со мною хоть на край света. Он так быстро плыл за судном, что догнал бы меня очень скоро (ветер был слабый, и шлюпка еле двигалась). Видя, что мавр скоро догонит нас, я побежал в каюту, взял там одно из охотничьих ружей, прицелился в мавра и сказал:

– Я не желаю тебе зла, но оставь меня сейчас же в покое и скорее возвращайся домой! Ты хороший пловец, море ти-

---

⁹ Лечь в дрейф – расположить паруса на судне так, чтобы оно оставалось почти неподвижным.

хое, ты легко доплывёшь до берега. Поворачивай назад, и я не трону тебя. Но, если ты не отстанешь от шлюпки, я прострелю тебе голову, потому что твёрдо решил добыть себе свободу.

Он повернул к берегу и, я уверен, доплыл до него без труда.

Конечно, я мог взять с собой этого мавра, но на старика нельзя было положиться.

Когда мавр отстал от шлюпки, я обратился к мальчику и сказал:

– Ксури, если ты будешь мне верен, я сделаю тебе много добра. Поклянись, что ты никогда не изменишь мне, иначе я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и поклялся, что будет мне верен до гроба и поедет со мной, куда я захочу. Говорил он так чистосердечно, что я не мог не поверить ему.

Покуда мавр не приблизился к берегу, я держал курс в открытое море, лавируя против ветра, чтобы все думали, будто мы идём к Гибралтару.

Но, как только начало смеркаться, я стал править на юг, придерживая слегка к востоку, потому что мне не хотелось удаляться от берега. Дул очень свежий ветер, но море было ровное, спокойное, и потому мы шли хорошим ходом.

Когда на другой день к трём часам впереди в первый раз показалась земля, мы очутились уже миль на полтора южнее Салеха, далеко за пределами владений марокканского

султана, да и всякого другого из африканских царей. Берег, к которому мы приближались, был совершенно безлюден.

Но в плену я набрался такого страха и так боялся снова попасть к маврам в плен, что, пользуясь благоприятным ветром, подгонявшим моё судёнышко к югу, пять дней плыл вперёд и вперёд, не становясь на якорь и не сходя на берег.

Через пять дней ветер переменялся: подуло с юга, и так как я уже не боялся погони, то решил подойти к берегу и бросил якорь в устье какой-то маленькой речки. Не могу сказать, что это за речка, где она протекает и какие люди живут на её берегах. Берега её были пустынные, и это меня очень обрадовало, так как у меня не было никакого желания видеть людей. Единственное, что мне было нужно, – пресная вода.

Мы вошли в устье под вечер и решили, когда стемнеет, добраться до суши вплавь и осмотреть все окрестности. Но, как только стемнело, мы услышали с берега ужасные звуки: берег кишел зверями, которые так бешено были, рычали, ревели и лаяли, что бедный Ксури чуть не умер со страху и стал упрашивать меня не сходить на берег до утра.

– Ладно, Ксури, – сказал я ему, – подождём! Но, может быть, при дневном свете мы увидим людей, от которых нам придётся, пожалуй, ещё хуже, чем от лютых тигров и львов.

– А мы выстрелим в этих людей из ружья, – сказал он со смехом, – они и убегут!

Мне было приятно, что мальчишка ведёт себя молодцом. Чтобы он и впредь не унывал, я дал ему глоток вина.

Я последовал его совету, и всю ночь мы простояли на якоре, не выходя из лодки и держа наготове ружья. До самого утра нам не пришлось сомкнуть глаз.

Часа через два-три после того, как мы бросили якорь, мы услышали ужасный рёв каких-то огромных зверей очень странной породы (какой – мы и сами не знали). Звери приблизились к берегу, вошли в речку, стали плескаться и барахтаться в ней, желая, очевидно, освежиться, и при этом визжали, ревели и выли; таких отвратительных звуков я до той поры никогда не слышал.

Ксури дрожал от страха; правду сказать, испугался и я.

Но мы оба ещё больше испугались, когда услышали, что одно из чудовищ плывёт к нашему судну. Мы не могли его видеть, но только слышали, как оно отдувается и фыркает, и угадали по одним этим звукам, что чудовище огромно и свирепо.

– Должно быть, это лев, – сказал Ксури. – Поднимем якорь и уйдём отсюда!

– Нет, Ксури, – возразил я, – нам незачем сниматься с якоря. Мы только отпустим канат подлиннее и отойдём подальше в море – звери не погонятся за нами.

Но едва я произнёс эти слова, как увидел неизвестного зверя на расстоянии двух весел от нашего судна. Я немного растерялся, однако сейчас же взял из каюты ружье и выстрелил. Зверь повернул назад и поплыл к берегу.

Невозможно описать, какой яростный рёв поднялся на берегу, когда прогремел мой выстрел: должно быть, здешние

звери никогда раньше не слышали этого звука. Тут я окончательно убедился, что в ночное время выходить на берег нельзя. Но можно ли будет рискнуть высадиться днём – этого мы тоже не знали. Стать жертвой какого-нибудь дикаря не лучше, чем попасться в когти льву или тигру.

Но нам во что бы то ни стало нужно было сойти на берег здесь или в другом месте, так как у нас не осталось ни капли воды. Нас давно уже мучила жажда. Наконец наступило долгожданное утро. Ксури заявил, что, если я пущу его, он доберётся до берега вброд и постарается раздобыть пресной воды. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне, он ответил:

– Если придёт дикий человек, он съест меня, а вы останетесь живы.

В этом ответе прозвучала такая любовь ко мне, что я был глубоко растроган.

– Вот что, Ксури, – сказал я, – отправимся оба. А если явится дикий человек, мы застрелим его, и он не съест ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику сухарей и глоток вина; затем мы поднялись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме ружей да двух пустых кувшинов для воды.

Я не хотел удалиться от берега, чтобы не терять из виду нашего судна. Я боялся, что вниз по реке к нам могут спу-

ститься в своих пирогах¹⁰ дикари. Но Ксури, заметив ложбинку на расстоянии мили от берега, помчался с кувшином туда.

Вдруг я вижу – он бежит назад. «Не погнались ли за ним дикари? – в страхе подумал я. – Не испугался ли он какого-нибудь хищного зверя?»

Я бросился к нему на выручку и, подбежав ближе, увидел, что за спиной у него висит что-то большое. Оказалось, он убил какого-то зверька, вроде нашего зайца, только шерсть у него была другого цвета и ноги длиннее. Мы оба были рады этой дичи, но я ещё больше обрадовался, когда Ксури сказал мне, что он отыскал в ложбине много хорошей пресной воды.

Наполнив кувшины, мы устроили роскошный завтрак из убитого зверька и пустились в дальнейший путь. Так мы и не нашли в этой местности никаких следов человека.

После того как мы вышли из устья речки, мне ещё несколько раз во время нашего дальнейшего плавания приходилось причаливать к берегу за пресной водой.

Однажды ранним утром мы бросили якорь у какого-то высокого мыса. Уже начался прилив. Вдруг Ксури, у которого глаза были, видимо, зорче моих, прошептал:

– Уйдёйте подальше от этого берега. Взгляните, какое чудовище лежит вон там, на пригорке! Оно крепко спит, но горе будет нам, когда оно проснётся!

Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Ксури, и дей-

---

¹⁰ Пирога – длинная лодка, выдолбленная из ствола дерева.

ствительно увидел ужасного зверя. Это был огромный лев. Он лежал под выступом горы.

– Слушай, Ксури, – сказал я, – ступай на берег и убей этого льва.

Мальчик испугался.

– Мне убить его! – воскликнул он. – Да ведь лев проглотит меня, как муху!

Я попросил его не шевелиться и, не сказав ему больше ни слова, принёс из каюты все наши ружья (их было три). Одно, самое большое и громоздкое, я зарядил двумя кусками свинца, всыпав предварительно в дуло хороший заряд пороха; в другое вкатил две большие пули, а в третье – пять пуль поменьше.

Взяв первое ружье и тщательно прицелившись, я выстрелил в зверя. Я метил ему в голову, но он лежал в такой позе (прикрыв голову лапой на уровне глаз), что заряд попал в лапу и раздробил кость. Лев зарычал и вскочил, но, почувствовав боль, свалился, потом поднялся на трёх лапах и заковылял прочь от берега, испуская такой отчаянный рёв, какого я ещё никогда не слышал.

Я был немного смущён тем, что не попал ему в голову; однако, не медля ни минуты, взял второе ружье и выстрелил зверю вдогонку. На этот раз мой заряд попал прямо в цель. Лев свалился, издавая еле слышные хриплые звуки.

Когда Ксури увидел раненого зверя, все его страхи прошли, и он стал просить меня, чтобы я отпустил его на берег.

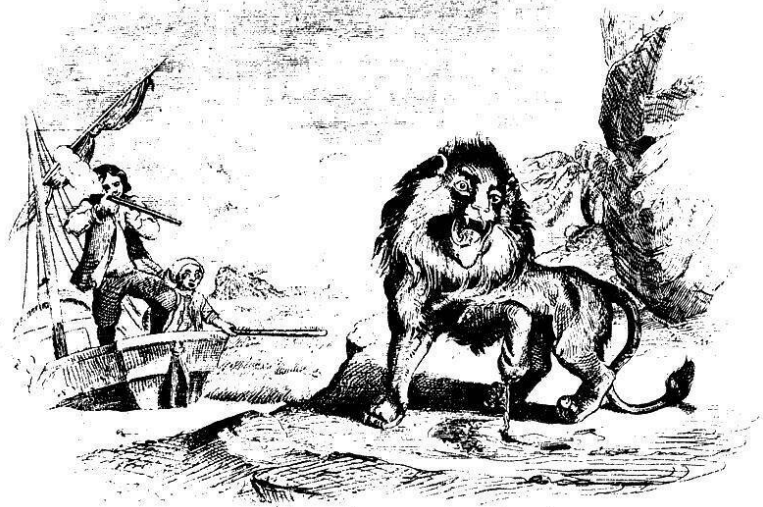
– Ладно, ступай! – сказал я.

Мальчик прыгнул в воду и поплыл к берегу, работая одной рукой, потому что в другой у него было ружье. Подойдя вплотную к упавшему зверю, он приставил дуло ружья к его уху и убил наповал.

Было, конечно, приятно подстрелить на охоте льва, но мясо его не годилось в пищу, и я очень жалел, что мы истратили три заряда на такую никчёмную дичь. Впрочем, Ксури сказал, что он попытается поживиться кое-чем от убитого льва, и, когда мы вернулись в шлюпку, попросил у меня топор.

– Зачем? – спросил я.

– Отрубить ему голову, – отвечал он.

Однако голову отрубить он не мог, у него не хватило сил: он отрубил только лапу, которую и принёс в нашу шлюпку. Лапа была необыкновенных размеров.

Тут мне пришло в голову, что шкура этого льва может нам, пожалуй, пригодиться, и я решил попробовать снять с него шкуру. Мы снова отправились на берег, но я не знал, как взяться за эту работу. Ксури оказался более ловким, чем я.

Работали мы целый день. Шкура была снята только к вечеру. Мы растянули её на крыше нашей маленькой каюты. Через два дня она совершенно просохла на солнце и потом

служила мне постелью.

Отчалив от этого берега, мы поплыли прямо на юг и дней десять-двенадцать подряд не меняли своего направления.

Провизия наша подходила к концу, поэтому мы старались возможно экономнее расходовать наши запасы. На берег мы сходили только за пресной водой.

Я хотел добраться до устья реки Гамбии или Сенегала, то есть до тех мест, которые прилегают к Зелёному мысу, так как надеялся встретить здесь какой-нибудь европейский корабль. Я знал, что, если я не встречу корабля в этих местах, мне останется или пуститься в открытое море на поиски островов, или погибнуть среди чернокожих – другого выбора у меня не было.

Я знал также, что все корабли, которые идут из Европы, куда бы они ни направлялись – к берегам ли Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию, – проходят мимо Зелёного мыса, и потому мне казалось, что все моё счастье зависит только от того, встречу ли я у Зелёного мыса какое-нибудь европейское судно.

«Если не встречу, – говорил я себе, – мне грозит верная смерть».

Глава четвёртая

Встреча с дикарями

Прошло ещё дней десять. Мы неуклонно продолжали продвигаться на юг.

Сперва побережье было пустынно; потом в двух-трёх местах мы увидели голых чернокожих людей, которые стояли на берегу и смотрели на нас.

Мне как-то вздумалось выйти на берег и побеседовать с ними, но Ксури, мой мудрый советчик, сказал:

– Не ходи! Не ходи! Не надо!

И всё-таки я стал держаться ближе к берегу, чтобы иметь возможность завести с этими людьми разговор. Дикари, очевидно, поняли, чего я хочу, и долго бежали за нами по берегу.

Я заметил, что они безоружны; только у одного из них была в руке длинная тонкая палка. Ксури сказал мне, что это копье и что дикари бросают свои копья очень далеко и удивительно метко. Поэтому я держался в некотором отдалении от них и разговаривал с ними при помощи знаков, стараясь дать им понять, что мы голодны и нуждаемся в пище. Они поняли и стали, в свою очередь, делать мне знаки, чтобы я остановил свою шлюпку, так как они намерены принести нам еду.

Я спустил парус, шлюпка остановилась. Два дикаря побежали куда-то и через полчаса принесли два больших куска сушёного мяса и два мешка с зерном какого-то хлебного злака, растущего в тех местах. Мы не знали, какое это было мясо и какое зерно, однако выразили полную готовность принять и то и другое.

Но как получить предлагаемый дар? Сойти на берег мы не могли: мы боялись дикарей, а они – нас. И вот, для того чтобы обе стороны чувствовали себя в безопасности, дикари сложили на берегу всю провизию, а сами отошли подальше. Лишь после того как мы переправили её на шлюпку, они воротились на прежнее место.

Доброта дикарей растрогала нас, мы благодарили их знаками, так как никаких подарков не могли предложить им взамен.

Впрочем, в ту же минуту нам представился чудесный случай оказать им большую услугу.

Не успели мы отчалить от берега, как вдруг увидели, что из-за гор выбегают два сильных и страшных зверя. Они мчались со всех ног прямо к морю. Нам показалось, что один из них гонится за другим. Бывшие на берегу люди, особенно женщины, страшно испугались. Началась суматоха, многие завизжали, заплакали. Только тот дикарь, у которого было копье, остался на месте, все прочие пустились бежать врассыпную. Но звери неслись прямо к морю и никого из чернокожих не тронули. Тут только я увидел, какие они громад-

ные. Они с разбегу бросились в воду и стали нырять и плавать, так что можно было, пожалуй, подумать, будто они прибежали сюда единственно ради морского купания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.